

Ч Е Р Н Е Ц Ъ .

ЧЕРНЕЦЪ, КІЕВСКАЯ ПОВѢСТЬ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА КОЗЛОВА.

« The wither 'd frame, the ruin'd mind,
The wrack by passion left behind,
A shrivell'd scroll, a scatter 'd leaf,
Seared by the autumn blast of grief! »

Lord Byron. The Giaour.

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1825.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предсшавлено было въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Маія 6 дня, 1825 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Мы не хотимъ предупреждать суда нашихъ читателей о небольшой поэмѣ, которую здѣсь имъ предлагаемъ: и безъ насъ они найдуть въ ней красоты возвышенныя, и безъ насъ могутъ замѣтить, что воображеніе поэта согрѣло пламенемъ чувства, что языкъ его силенъ, простъ и живописенъ. Мы скажемъ нѣсколько словъ о самомъ поэмѣ. Судьба его должна возбудишь нѣжнѣйшее участіе въ каждомъ благородномъ сердцѣ. Несчастіе, часто убійственное для души обыкновенной, было для него гениемъ живошворящимъ. « Несча-
« сшіе — сказалъ нѣкто — можно сравнить съ
« Великаномъ, имѣющимъ голову свѣтлозарную
« и ноги свинцовыя. Кто самъ высокъ, или
« кто можеть возвыситься, чтобъ посмо-
« трѣть прямо въ лице сему ужасному по-
« сланнику Провидѣнія: поэтъ озарится его
« блескомъ, и собственное лице его просвѣ-
« шается; но поэтъ, кто низокъ, или кто,
« ужаснувшись ослѣпительнаго свѣта, накло-
« нитъ голову, чтобы его невидать: поэтъ
« попадетъ подъ свинцовыя ноги спрашили-

«ща и будешь ими раздавленъ, или зашопанъ въ прахъ.» Сеи жребіи миноваль нашего спрадальца: онъ имѣлъ довольно мужества, чтобъ посмошрѣть *прямо въ лице* своему спрашному посѣпшислю. Въ молодыхъ лѣпахъ, проведенныхъ въ разсѣянности большаго свѣта, онъ не зналъ того, что шайлось въ его душѣ, созданной понимать высокое и прекрасное — несчастіе ошкрыло ему эту шайну: похипивъ у него лучшія блага жизни, оно даровало ему поэзію. Вопъ уже пятый годъ, какъ онъ безъ ногъ и слѣпъ; существенный міръ исчезъ для него навсегда; но міръ души, міръ поэпическихъ мыслей, высшихъ надеждъ и вѣры ошкрылся ему во всей красотѣ своей: онъ живешъ въ немъ и въ немъ забываешъ свои спраданія, часто несносныя. Мы не входимъ въ подробности — пускай онъ самъ будешъ своимъ испорикомъ: прилагаемъ здѣсь его посланіе къ другу (написаное въ 1822 году), въ кошоромъ съ величайшею вѣрностію изобразилъ онъ настоящую судьбу свою; оно есть не произведеніе поэта, а искренняя, шрогательная исповѣдь спрадальца.

*Прекрасный другъ минувшихъ, свѣтлыхъ дней,
Надежный другъ дней мрачныхъ и тяжелыхъ,
Вина всѣхъ думъ и грустныхъ и веселыхъ,
Моя жена и мать моихъ дѣтей!
Вотъ пѣснь моя, которой звукъ унылой,
Бывало, въ тасъ безсонницы ночной,
Какою-то невѣдомою силой
Меня плѣнялъ и духъ тревожилъ мой!
О, сколько разъ я плакалъ надъ струнами,
Когда я пѣлъ страданье Чернеца,
И скорбь души, обманутой мѣгтами,
И пылъ страстей, волнующихъ сердца!
Моя душа сжилась съ его душою:
Я съ нимъ бродилъ во тмѣ тужихъ лѣсовъ;
Съ его родныхъ Днѣпровскихъ береговъ
Мнѣ вѣяло знакомою тоскою.
Быть можетъ, мнѣ такъ сладко не мезтать;
Быть можетъ, мнѣ такъ стройно не пѣвать:
Какъ мой Чернецъ, всѣ страсти молодыхъ
Въ груди моей давно я схоронилъ;
И я, какъ онъ, всѣ радости земныя*

Небесною надеждой замѣнилъ.
Не зрѣть мнѣ днѣ съ зарями золотыми,
Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ:
И въ цвѣтѣхъ лѣпнѣ ужъ я между живыми
Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ.
Но я стремлю, встревоженъ тяжкой мглою,
Мятежный рой сердечныхъ думъ моихъ
На двухъ дѣтей, взлелѣянныхъ тобою,
И на тебя, почти милѣй мнѣ ихъ.
Я въ васъ живу: и сладко мнѣ метанье!
Всегда со мной мое огарованье.
Такъ въ темну ногъ цвѣткѣ, краса полей,
Свой запахъ льетъ, незримый для озей.

Санктпетербургъ.

17 Сентября, 1824 года.

ЧЕРНЕЦЪ.

I.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкой
Межъ дикихъ скалъ кипишь, шумишь,
У роци на горѣ высокой
Обишель иноковъ споишь;
Вокругъ нея снѣжна съ зубцами,
Чешыре башни по угламъ,
И по срединѣ Божій храмъ
Съ позолоченными главами;
Рядъ келій, шемный переходъ,
Часовня у свяпыхъ воропъ
Съ чудотворящею иконою,
И подлѣ ключъ воды спуденой

Журчишь цѣлищельной спруей
 Подъ шѣнью липы вѣковой.

Ц.

Вечерній мракъ въ шуманномъ полѣ;
 Заря ужь гаснеть въ небесахъ;
 Не слышно пѣсень на лугахъ,
 Въ долинахъ спадъ не видно болѣ;
 Ни рогъ въ лѣсу не зашрubiшь,
 Никто не пройдетъ; лишь порою
 Чуть колокольчикъ прозвѣнишь
 Вдали дорогой сполбовою;
 И на Днѣпрѣ у рыбаковъ
 Ужь нѣшь на лодкахъ огоньковъ.
 Взошелъ и мѣсяцъ полуночный,
 И звѣзды яркіе горятъ;
 Поляны, роци, воды спятъ;
 Пробиль на башнѣ часъ урочный;
 Обитель въ сонъ погружена;

Повсюду миръ и шишина.
Въ далекой кельѣ лучъ лампадный
Едва блеспишь; и въ кельѣ пой
Свой вѣкъ кончаешь безоправный
Чернецъ, спрадалецъ молодой.
Упрапы, спраспи и печали
Свой знакъ ужасный начерпали
На пасмурномъ его челѣ;
Гроза въ сердечной глубинѣ;
Судьба его покрыпа шмою:
Ошкуда онъ, и кпо шакой?
Не знаюшь. Но въ враждѣ съ собой
Онъ мучимъ шайной роковою.
Разъ ночью въ бурю онъ пришелъ;
Съ шѣхъ поръ въ обипели оспался,
Жизнь иноковъ печально вель,
Дичился всѣхъ, опъ всѣхъ скрывался.
Его видъ чудный всѣхъ спрашилъ;
Чернецъ ни съ кѣмъ не говорилъ:
Но въ глубинѣ души унылой

Ужасное замѣшно было.
Въ поржеспвенный молишвы часъ
И онъ пѣваль хвалебный гласъ...
Но часпо вопли шяжкой муки
Свяпые прерывали звуки!
Бывало, онъ во шмѣ ночей
Покоя въ кельѣ не находипъ,
И въ длинной манши своей
Между могиль, какъ призракъ, бродипъ—
Теперь недвижимъ, ждепъ конца:
Недутъ шерзаепъ Чернеца.

III.

Предъ нимъ со взоромъ умиленья
Держаль Игумень креспъ спасенья.
И шяжко спраждушій вздыхаль:
Онъ пламенѣль, онъ шрепешаль,
Онъ дважды шихо приподнялся,

Онъ дважды рѣчь начашь спарался;
 Казалось, нѣкій грозный сонъ
 Воспомяшь спрашился онъ,
 И робко, дико озирался.
 Чернецъ, Чернецъ, уже ли пы
 Все помнишь прежнія мечшы!...
 Но превозмогъ онъ спрахъ могилы;
 Зажглися гаснуція силы;
 Онъ спарца за руку схватилъ,
 И шакъ спрадалецъ говорилъ:

VI.

Опецъ! Межь вась пришлецъ угрюмый,
 Бышь можешъ, я моей поской
 Смуцаль спасишельныя думы
 И миръ обипели свяшой.
 Водъ шайна: дней моихъ весною
 Ужь я все горе жизни зналъ;

Я взросъ бездомнымъ сиротою,
Родимой ласки не видалъ;
Веселья дѣшсшва пролешали,
Едва касаясь до меня;
Когда ровесники играли,
Уже задумывался я;
Огонь и чистый и прекрасной
Въ груди молодой пылалъ напрасно:
Мнѣ было некого любишь!
Увы, я долженъ былъ шайшь,
Спрашась холоднаго презрѣнья
Ошъ непривѣшливыхъ людей,
И сердца пылгаго волненья,
И первый жаръ души моей!
Уныло разцвѣшала младосшь;
Смошрѣлъ я съ дикосшью на свѣшъ;
Не зналъ я, что шакое радосшь!
Ошъ самыхъ опроческихъ лѣшъ
Ни съ кѣмъ любви не раздѣляя,
Жилъ нелюдимо въ шиниѣ,

И жизнь суровая, прослая
 Отрадною казалась мнѣ.
 Любилъ я по лѣсамъ скипашься,
 День цѣлый за звѣрми гоняшья,
 Широкой Днѣпръ переплывашъ,
 Любилъ опасностью играшъ,
 Надъ жизнью дерзосно смѣяшья:
 Мнѣ было нечего шеряшъ,
 Мнѣ было не съ кѣмъ разсвавашья.

V.

Но вскорѣ съ Невскихъ береговъ.
 Покрыпый воинъ сѣдинами
 Приѣхаль вѣкъ доживъ межъ нами
 Подъ шѣнью опическихъ дубровъ.
 Онъ жилъ въ селѣ своемъ съ женою,
 И съ ними дочь въ семнадцать лѣтъ..
 О спарець! Гробъ передо мною,
 Во взорахъ шмишся Божій свѣтъ,

Ея давно ужь въ мірѣ нѣшъ...
Но ея все живу одною;
Она одна въ моихъ мечсахъ,
И на землѣ, и въ небесахъ!
Опецъ свяшой, шеперь напрасно
О ней шебѣ подробно знашь!
Я не хочу ее назвашь!
Молися полько о несчастной!
Случайно насъ судьба свела;
Ея красы меня плѣнили;
Она мнѣ сердце ошдала,
И машь съ опцомъ насъ обручили.
Уже налой съ вѣнцами ждалъ;
Все горе прежнее въ забвеньи;
И я въ сердечномъ упоеньи,
Дивясь, Творца благословлялъ.
Давно ль, печально увядая,
Была мнѣ въ пятосшь жизнь младая?
Давно ли духъ помился мой,
Убишый хладною поской?

И вдругъ дано мнѣ небесами
И жить и чувствовашь вполнѣ,
И плакашь сладкими слезами,
И видѣшь радость не во снѣ!
Съ какой невинностью свяпою
Она пылающей душою
Лила блаженство на меня!
И кто изъ смертныхъ подь луною
Такъ могъ любить ее, какъ я?
Сбылося въ ней мое мечпанье,
Весь шайный мiръ души моей:
И я, любви ея созданье,
И я воскресъ любовью къ ней!

VI.

Но снова рокъ ожеспочился;
Я снова обрѣченъ бѣдамъ.
Какой-шо вдругъ на гибель намъ

Далекій родспвенникъ явился;
Онъ Польскихъ войскъ хорунжій былъ:
Злодѣй, онъ чesпи измѣнилъ!
Онъ прежде самъ коварно льспился
Съ ней въ бракъ насильспвенно вcпупишь,
Хотѣлъ ограбишь, пригѣснишь,
И презрѣвъ былъ, и только мщенья
Искалъ съ улыбкой примиренья.
О мой онецъ! Сердечный жаръ
Благихъ небесъ высокій даръ:
Нѣшь, не горишь огонь священной
Въ душѣ, порокомъ омраченной.
Не видно звѣздъ въ шуманной мглѣ:
Любовь свяшое на землѣ.
Ему ль любишь!... Но ахъ, судьбою
Намъ съ нашей маперью родною
Была разлука суждена!
Она незапно сражена
Недугомъ пшжкимъ... мы рыдали;
Мы одръ съ молишвой окружали:

Наспалъ неизбѣжимый часъ :
Родная скрылася ошь насъ.
Еще пеперь передъ очами,
Какъ въ спрашную разлуки ночь
Теплѣйшей вѣры со слезами
Свою рыдающую дочь
Земная машь благословляла,
И взявъ дрожащею рукой
Пречистой Дѣвы ликъ святой;
Ее Небесной поручала.
Съ кончиной машери смѣлѣй
Спалъ мститель неистовый злодѣй :
Онъ клеветалъ ; уловкой злою
Онъ слабой овладѣлъ душою,
И спарець слову измѣнилъ ;
Желанный бракъ разрушенъ былъ.
Обманушь низкой клеветою,
Онъ мнилъ, безжалоспный отецъ,
Что узы пламенныхъ сердець
Могъ разорвать ; и дочь младая,

Его колѣна обнимая,
Вошще лила пошоки слёзъ;
Но я ни гнѣва, ни угрозы,
Ни мщенья ихъ не убоюся,
Злодѣя презрѣль, дочь увёзъ,
И съ нею шайно обвѣнчался.

VII.

Быль можеть, пы, ошецъ свяшой,
Меня за дерзость обвиняешь;
Но, спарецъ праведный, не знаешь,
Не зналь пы спраспи роковой.
Ты видишь сердца препешанья,
И смерпный хладъ, и жаръ дыханья,
И блѣдный ликъ, и мушпный взоръ,
Мое безумье, мой позоръ,
И грѣхъ, и кровъ—вошь пламень спраспный!
Моей любви вошь слѣдъ ужасный!

Но будь мой рокъ еще спрашнѣй:
Она была... была моею!
О, какъ мы съ нею жизнь дѣлили!
Какъ, успѣсненныя судьбой,
Наидя въ себѣ весь міръ земной,
Другъ друга пламенно любили!
Живою нѣжноспью мила,
Въ поскѣ задумчивой милѣ,
На радость мнѣ она цвѣла;
При ней душа была свѣплѣ.
Промчался годъ прелеспнымъ сномъ;
Ужь мнилъ я скоро бытъ опцомъ;
Мы сладко въ будущемъ мечшали,
И оба вмѣспѣ уиовали:
Родипель гнѣвннй намъ проспишѣ.
Но злоба алчная не спишѣ:
Въ опасный часъ къ намъ вѣспѣ несешся,
Что вся надежда оиняша,
Что дочь опцомъ ужъ прокляша...
Обманъ ужасный удаешся;

*

Злодѣй несчастную убилъ:
 Я мать съ младенцемъ схоронилъ.
 И я... Творецъ!.. надъ шом могилой,
 Гдѣ легъ мой сынъ съ подругой милой,
 Стоялъ, и живъ!...

Опець свяшой,

Какъ было, что попомъ со мною,
 Не знаю: вдругъ какой-то шмою
 Былъ омраченъ разумокъ мой;
 Лишь помню, что, большой дорогой
 И день и ночь скипаясь, я
 Уналь; когдажь вошель въ себя,
 Лежалъ ужъ въ хижинѣ убогой
 Безъ чувспва бѣдъ моихъ, безъ силъ;
 Я жизнь спраданьемъ пережилъ,
 И въ сердцѣ замерло волненье;
 Не скорбь, но спражь и удивленье
 Являло помное лицо;
 Въ душѣ все прежнее уснуло;

Но невзначай въ глаза мелькнуло
Мое вѣнчальное кольцо...

VIII.

Я бросилъ край нашъ опустѣлой;
Одинъ, въ опчаяннѣ, въ слезахъ,
Блуждалъ съ душой осирошѣлой
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ;
Мой стонъ, мой вопль, мои укоры
Ущелья мрачныя и горы
Внимали съ ужасомъ семь лѣтъ;
Угрюмый, скорбный, одичалой
Терзался я мечпой бывалой;
Рыдалъ о помъ, чего ужъ нѣтъ;
Ночная шѣнь, пошокъ нагорной,
И бури свиспъ, и вѣшровъ вой
Сливались вшайнѣ съ думой чѣрной,
Съ неушолоймою шоской;

И горе было наслажденьемъ,
 Святымъ остаткомъ прежнихъ дней:
 Казалось мнѣ, моимъ мученьемъ
 Я несовѣмъ разстался съ ней.

IX.

Гдѣ сердце любишь, гдѣ спрадаешь,
 И милосердый Богъ нашъ шамъ:
 Онъ крестъ даетъ, и Онъ же намъ
 Въ крестѣ надежду посылаетъ.
 Черезъ семь тяжелыхъ, грозныхъ лѣтъ
 Блеснулъ и мнѣ оправднй свѣтъ.
 Однажды я ночной порою
 Сидѣлъ уныло надъ рѣкою;
 И неба огневѣздный сводъ,
 И тихое луны мерцанье,
 И говоръ лиственъ, и плесканье
 Луной осеребренныхъ водъ,

Невольню душу все плѣняло,
 Все въ мѣръ блаженства увлекало
 Своей таинственной красой.

Проснулся духъ мой сокрушенной:
 « Творецъ всего! Младенецъ мой
 « Съ моей подругой незабвенной
 « Живутъ въ спранѣ Твоей свяпой;
 « И, можешь бышь, я буду съ ними,
 « И памъ онѣ навѣкъ моими!...»

Любви понятны чудеса:

Съ какимъ-то тайнымъ ожиданьемъ
 Дрожало сердце упованьемъ;

Я подыалъ взоръ на небеса,
 Дерзаль ихъ вопрошать слезами....

И, мнилось, мнѣ въ отвѣтъ былъ данъ
 Сей безмятежный океанъ

Съ его неплѣнными звѣздами.

Съ тѣхъ поръ я въ бѣдствіи самомъ
 Нашель, отецъ мой, утѣшенье,

И тяжкимъ уповаль крестомъ

Съ ней выпрадашь соединенье,
Еще, бывало, слезы лью,
Но ихъ надежда услаждала,
И горестъ пихая смѣняла
Печаль суровую мою.
Забыль я, вѣрой пламенѣя,
Мое несчастѣе и злодѣя:
Она съ младенцемъ въ небесахъ
Мечталась сердцу въ райскихъ снахъ.
Я къ ней душою возносілся;
И мысль однимъ была полна:
Желалъ бытъ чистымъ, какъ она,
И съ жизнью радостно просился;
Но умереть хотѣлось мнѣ
Въ моей родимой споронѣ,
Я спалъ скучаешь въ горахъ чужбины:
На рощи наши, на долины,
Хотѣлъ послѣдній бросишь взглядъ,
Увидѣшь край, весь ею полный,
И сельскіи домикъ нашъ, и садъ,

И синія Днѣпровски волны,
И церковъ на холмѣ, гдѣ спишь
Въ пѣни березъ ихъ пепель милой,
И какъ надъ шихою могилой
Заря вечерняя горитъ.

X.

Ахъ, что сбылось съ моей душою,
Когда въ святой красѣ своей
Вдругъ видъ открылся предо мною
Родимыхъ Кіевскихъ полей!
Они, какъ прежде, зеленѣли,
Волнами также Днѣпръ шумѣлъ,
Все пошъ же лѣсъ вдали темнѣлъ,
На жнивахъ пѣже пѣсни пѣли,
И также все въ спранѣ родной,
А нѣтъ лишь памъ ея одной.

Вездѣ знакомыя долины,
Ручьи, пригорки и равнины
Въ прелестной, милой шишинѣ
Со всѣхъ споронъ являлись мнѣ
Съ моими свѣплыми годами;
Но съ оправленною душой,
На родинѣ пришлецъ чужой,
Я ихъ привѣшпвоваль слезами
И безопрядною поскою.
Я шель; день къ вечеру склонялся;
И скоро сельскій Божій храмъ
Предсхаль испуганнымъ очамъ;
И внѣ себя я приближался
Къ могилѣ шой, гдѣ сынъ, жена...
Вся жизнь моя погребена.
Я чупъ спупаль, какъ бы спрашился
Прервахъ ихъ непробудный сонъ;
Въ груди спѣсняль мой няжкій спонъ,
Чшобъ ихъ покой не возмушился;
Сспрасхямъ всспревоженнымъ своимъ

Не смѣлъ вдаваться духъ унылой;
Казалось мнѣ, надъ ихъ могилой
Дышалъ я воздухомъ святымъ,
Творилось дивное со мною,
И я съ надеждой не земною
Колѣна шихо преклонилъ,
Молился, плакалъ и любилъ.....
Вдругъ слышу шорохъ за кустами;
Гляжу, чпожь взоръ встрѣчаешь мой?
Жнеца съ подругой молодой,
И возъ, наскладенный снопами;
И вижу я, между сноповъ
Сидишь въ вѣнкѣ изъ васильковъ .
Младенецъ съ алыми щеками,
Невольнo я запрепечаль:
« Я все имѣлъ, все пошерялъ.
« Намъ не дали жишь другъ для друга.
« Въ сырой землѣ моя подруга,
« И не въ цвѣщахъ младенецъ мой;
« Его червь починишь гробовой. »

Въ слезахъ тогда къ нимъ на могилу
Безъ памяти бросаюсь я;
Горѣло сердце у меня;
Тоска души убила силу;
Цѣлуя дернъ, я разрывалъ
Руками жадными моими
Ту землю, гдѣ я легъ бы съ ними;
Бъ безумствѣ дикомъ я ропшалъ;
Мнѣ что-то страшное мечталось;
Едва дышалъ я; въ мушной шмѣ
Сливалось все, какъ въ пяжкомъ снѣ;
Ужь чувство жизни пресѣкалось,
И я лежалъ между гробовъ
Мершвѣй ихъ хладныхъ мершвецовъ.
Но свѣжій воздухъ, влажностъ ночи
Спрадальца вновь животворяшъ;
Вздохнула грудь, открылись очи,
Кругомъ бродилъ мой шомный взглядъ:
Все было тихо, скрышо мглою,
Въ шуманѣ мѣсяць чупь свѣшилъ,

И лишь могильною правую
Полночный вѣсперъ шевелиль.

XV

Я вспаль, и скорыми шагами
Пошелъ съ пошупленной главой
Черезъ поляну; за куспами
Вилась дорога подъ горой;
Почти безъ памяти, безъ цѣли,
Я шель куда глаза глядѣли:
Изъ-за кусповъ на вспрѣчу мнѣ
Несетъся кто-то на конѣ.
Не знаю самъ, какой судьбою....
Но вдругъ.... я вижу предъ собою
При блескѣ препенномъ луны
Убицу сына и жены.
Ощецъ, шо вспрѣча роковая!
Я шель, весь мiръ позабывая;

Не думалъ я его искашь;
Я не хотѣлъ ему опмщашь;
Но онъ, виновникъ разлученья,
Онъ шамъ, гдѣ милые въ гробахъ,
Когда еще въ моихъ очахъ
Дрожали слезы испушленья...
То знаешь совѣспь, видиниъ Богъ;
Хотѣлъ проснишь, проснишь не могъ.
Я измѣвилъ свяшой надеждѣ,
Я вспомнилъ все, чню было прежде,
И за узду схвашилъ коня:
«Злодѣи, узнадъ ли ны меня?»
Онъ робко смопирись, онъ дивишся,
Онъ саблю обнажишь спремись,
Увы, со мною былъ кинжалъ!...
И онъ въ крови съ коня упаль.

Тогда еще не разсвѣшало;
Я внѣ себя иду назадъ;
И роши и ноля молчашь,

Передъ зарею все дремало,
 Лишь неся гуль издалека,
 Какъ конь скакаль безъ сѣдока.
 Безчувспвенно я удаляся.
 Все, что сбылось, казалось мнѣ,
 Какъ что-то спрашное во снѣ.
 Вдругъ звонъ къ заупренѣ раздался...
 Огнями свѣшлый храмъ сіяль,
 А небо вѣчными звѣздами,
 И лунный свѣщъ осеребряль
 Могилы пихія съ креснами;
 Призывный колоколь звѣнѣль;
 А я «снояль, а я смощрѣль,
 Я въ свѣшлый храмъ ишши не смѣль....
 « О чемъ шеперь, и какъ молишься?
 Чего мнѣ ждань у олшарей?
 Мнѣ ль уповашь навѣки съ ней
 Въ свяшой любви соединисься?
 Какъ непорочность сочешашь
 Убійцы съ буиными спрасшями?

Какъ въ небѣ ангела обнявъ
Окровавленными руками?»

ХІІ.

Въ обитель вашу я вступилъ,
Искалъ я слезъ и покаянья;
Увы, я грѣшный погубилъ
Святыя сердца упованья!
Бывало, бѣдспвіе мое
Я вѣрой услаждалъ всечасно;
Теперь — до гроба живъ ужасно!
За гробомъ — вѣчность безъ нее!
Я мнилъ, опецъ мой, между вами
Небесный гнѣвъ смягчишь слезами,
Я мнилъ, что поспѣ, молитва; прудъ
Винѣ прощенье обрѣтушь;
Но и въ обители спасенья
Я слышу бурь знакомый шумъ;

Проснулись прежнія волненья,
И сердце полно прежнихъ думъ.
Вездѣ, опчаяньемъ помимый,
Я вижу ликъ неопразимый;
Она въ умѣ, она въ рѣчахъ,
Она въ моленьи на устахъ;
Къ ней сердце пылокое спремипся,
Но тѣнь священную боишся
На лонѣ мира возмушишь.
О, вѣрь, необагранный кровью,
Дышаль я чистою любовью,
Умѣль земное позабышь:
Я въ небесахъ съ ней думаль жишь!
Теперь, какъ гибельнымъ ударомъ
И шамъ я съ нею разлучень,
Опяшь горю безумнымъ жаромъ,
Тоскою дикой омрачень.
Здѣсь, на соломѣ, въ кельѣ хладной;
Не предъ крестомъ я слезы лью;
Я вяну, мучуся, люблю,

Въ печали сохну безоправдой;
 Весь ядъ, все бѣшенство спрасшей
 Кипящъ опящъ въ груди моей,
 И, жертва буйнаго спраданья,
 Мои пресшупныя рыданья
 Тревожашъ шайнство ночей.

ХІІІ.

Вчера—бѣшъ полночь—спрашъ могилы
 Послѣднія разрушилъ силы —
 И предъ Иконою свяшой
 Съ непосшижимою поскою
 Я изливаль мой спраданья;
 Я Милосердаго молиль,
 Чшобъ грѣхъ кровавый мнѣ просшиль,
 Чшобъ принялъ слезы покаянья.
 Вдругъ чшо-шо, свыше осѣня,
 Какъ будшо душу озарило

И тайной свяшпсью спрашило,
Опець мой, грѣшнаго меня.
Лампада лучь дрожащій, блѣдной
Бросала шомно въ кельѣ бѣдной:
Покрыша бѣлой пеленой,
Она предспала предо мной,
И черныя горѣли очи
Ярче звѣздъ осенней ночи.
О, нѣшть, шо былъ не призракъ сна
И не обманъ воображенья!
Свяшой опець, къ чему сомнѣнья!
Съ нея слешѣла пелена,
И шо была, повѣрь....она!
Она, прелеспная, младая;
Ея улыбка неземная;
И кудри шемные съ чела
На грудь лилейную бѣжали,
И, мнилось мнѣ, ея усна
Былое, милое шеншали;
Все ша жь любовь въ ея очахъ;

*

И нашъ младенецъ на рукахъ.
« Она!... Прощенья небесами!»
И слезы хлынули рѣками.
Я вѣ себя бросаюсь къ ней,
Схватилъ, прижалъ къ груди моей...
Но сердце у нея не бьется,
Молчишь плѣнипельная шѣнь;
Неумолимая несется
Опяшь въ шаинспвенную сѣнь:
И руки жадныя дрожали,
И только воздухъ обнимали;
Мечшой обманушы, ояѣ
Къ груди прижались одиѣ.
Уже ль опринушы моленья?
Уже ль пы вѣспникъ опверженья?
Или, въ ужасный смерпный часъ,
Моя все вѣрная подруга,
Хошѣла пы въ послѣднїй разъ
Взглянушь на гибнущаго друга? — —
И съ ложа на колѣна паль

Чернецъ; и замерь голось муки;
 Взорь оживился, засверкаль;
 Къ чему-шо вдругь просперь онь руки,
 Какъ испуленный закричалъ:
 « Ты здѣсь опяшь!... конецъ разлуки!
 « Зовешь!... моя!.. всегда!.. вездѣ!..
 « О, какъ свѣпла!.. къ нему!.. къ тебѣ!...»

XIV.

Два дни, двѣ ночи онь помился,
 И горько плакаль и молился;
 На прешью, ночь опецъ свяшой
 Обипель мирную сзываетъ;
 Послѣдній часъ уже лешаетъ
 Надъ юной грѣшною главой.
 И въ келью брапа со свѣчами
 Соборомъ иноки вошли,
 И бѣлый саванъ принесли...
 И гробъ досчатый за дверями.

Печалень былъ ихъ помный гласъ,
За упокой души молящихъ;
Печалень видъ ихъ черныхъ рясъ
При пускломъ блескѣ свѣчь горящихъ.
Прочитана святымъ опцомъ
Опходная надъ Чернецомъ.
Когда жь минуша роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ,
Онъ, шлѣнный прахъ благословляя,
Ударилъ въ колоколъ велѣлъ...
И звонъ прекрасно раздается
Надъ полуночною волной,
И объ усопшемъ вѣспъ несется
Далеко зыбкою рѣкой.
Въ пещеру вѣщій звонъ домчался,
Гдѣ схимникъ праведный спасался:
«Покойникъ!» спарець прошепсаль,
Опкрылъ налой, и чепки взялъ.
У рыбаковъ сонъ безмяшежной
Имъ прерванъ въ хижинѣ прибрежной:

Грудной младенецъ спалъ кричащъ;
Его крестишь съ просонья мащъ;
Творишь молишву начинаешъ,
И шихо колыбель качаешъ;
И передъ плѣющимъ огнёмъ
Опящъ уснула крѣпкимъ сномъ.
И черезъ поле шой порою
Шель пушникъ съ милою женою;
Они свой ужасъ въ шемну ночь
Веселой пѣснью гнали прочъ:
Но шолько звуки раздалися;
Перекрестились, обнялися,
Пошли грушнѣй рука съ рукой...
И звукъ ушихъ во шмѣ ночной.

К Ъ Д Р У Г У

В. А. Ж.

КЪ ДРУГУ

В. А. Ж.

(По возвращеніи его изъ путешествія).

Опять ты здѣсь! опять судьбою
Дано мнѣ вмѣстѣ бытъ съ тобою!
И взоръ хотя попухнѣй мой
Ужъ взоровъ друга не встрѣчаешь;
Но сердцу вяшный голосъ твой
Глубоко въ душу проникаешь.
О! долго въ дальной сторонѣ
Ты зажился, нашъ пущникъ милый!
И сей разлуки годъ унылый,
Мой другъ, былъ чернымъ годомъ мнѣ!
Но я любишь не разучился,

'Друзей моихъ не забываль,
Опъ нихъ нигдѣ не опсаваль,
И часто мысленно носился
Съ побою выше облаковъ,
Въ спранѣ, гдѣ посреди снѣговъ
Весна роскошно зеленѣеть,
Гдѣ виноградъ душистый рдѣеть,
Дубровы мирныя шумящъ,
Лука красующся цвѣтами,
И вѣковые льды горящъ
Небесной радуги огнями.
И часто, часто я съ побой
Альпійскихъ вѣтровъ слушаль вой,
И мрачныхъ соснъ суровый ропощъ,
И шайный ихъ полночный шопощъ.
Смопрѣль, какъ съ горъ попокъ шамъбѣеть
И грохощъ въ роццахъ раздаешся;
Лавина, рухнувъ, здѣсь падешъ,
Чрезъ селы спрашный пущъ берешъ
И лавой снѣжною несешся.

Но видь угрюмой красоты
Отъ сердца гонишь прочь мечты,
И насъ въ священный препещь вводишь.
Бывало, чаще въ мысль приходишь,
Когда ужь мѣсяць надъ рѣкой,
Чшо другъ вечернею порой
Въ раздумьи по долинамъ бродишь,
Плывешь по тихимъ озерамъ,
И къ синимъ ихъ склонень спруямъ,
Въ часы сердечнаго мечшанья,
Чужимъ передаешь волнамъ
Родимыхъ волнь воспоминанья
И дальныхъ милыхъ шѣхъ полей,
Гдѣ онъ въ безпечности своей
Жизнь вспрѣпилъ, счасью довѣряясь,
Когда надежда улыбаясь
Тропинкой призраковъ вела:
Тамъ онъ лелеялъ грусь и радости,
И въ вдохновеньяхъ тамъ цвѣла
Его задумчивая младоспъ.

И кто жь весну свою забылъ?
Кто не живетъ воспоминаньемъ?
И я его очарованьемъ
Бываю менѣ унылъ,
Улыбку иногда встрѣчаю,
И, весь въ минувшемъ, забываю,
Какъ въ непреклонности своей
Судьба карасть меня умѣетъ —
И память прежнихъ свѣтлыхъ дней
Тоской оправдую мнѣ вѣетъ.
И я, мой другъ, и я мечталъ!
Я видѣлъ сонъ любви и счастья,
Я свято сердцемъ уповалъ,
Что нѣтъ подъ небомъ имъ ненастья.
Съ зарей, ны знаешь, юныхъ дней,
Плѣнень любимую мечпою,
Стремился я за ней одною,
И безъ нея мнѣ бѣлый свѣтъ
Казался сенью лишь пустою;
Съ душой, наполненной огнемъ,

Я волнь и бурь не ушпашилсѣ,
И въ легкомъ челнокѣ моемъ
Ошважно по морю пуспилсѣ.
Менѣ маниль надежды лучь,
И какъ гроза ни буншовала,
Мнѣ изъ-за тнѣвныхъ черныхъ шучь
Звѣзда привѣшная сіяла:
Чшо сердцу снилось, все сбилось!
Ахъ! для чего же, молодое
Мое ты счастье золотое,
Такъ быспро, быспро пронеслось!
Иль видно, другъ, сказашь съ шобою:
Не у меня ему гощишь!
Такъ мы слыхали, что порою
Случайно пшичка залешишь
Опъ южныхъ оспрововъ прекрасныхъ
Въ спрану дней мрачныхъ и ненаспныхъ,
Гдѣ дикій долъ и шемный лѣсь
Не зрѣли голубыхъ небесъ —
И шамъ эеирною красою

И пѣнья нѣжностью простию
Угрюмый боръ развеселишь,
Минушной нѣгой подарить!....
Но край, гдѣ буря обитаетъ,
Ей не родная сторона:
И, лишь залетная, она
Мелькнешь, прельспишь и улетаешь.

Пяшь разъ зеленя поля
Весна цвѣтами обновляла,
Съ шѣхъ поръ, какъ, другъ, она меня
Въ шѣнисныхъ рощахъ не видала.
Пяшьцѣлыхъ лѣтъ, въ борьбѣ спрасшей,
Въ спраданыяхъ, горемъ я помился;
Окованъ злой судьбой моей,
Во цвѣштѣ лѣтъ ужъ я лишился
Всего, что въ мѣрѣ насъ манишь,
Всего, что радость намъ сулишь.
Могу ли усыпать цвѣтами
Жизнь шой, кѣмъ жизнь моя цвѣла,

Кошорая въ груди зажгла
Пыль спраспный райскими мечшами,
И въ даль шуманную со мной
Шла радоспно рука съ рукой!...
Мой другъ, проспясь съ очарованьемъ
Душею бышь семьи своей,
Щипомъ, опрадой, упованьемъ
Подруги милой и дѣшей,
Уже дружился я съ поскою,
Забывъ себя, спалъ ими жишь,
Умѣль ихъ окружишь собою,
Въ одно мои всѣ чувства слишь,
Любовью счастье замѣнишь....
Но чтожь!... и Божій свѣтъ скрываеться
Вдругъ началъ опъ моихъ очей!
И я... я долженъ былъ разспахься
Съ послѣдней радоспью моей.
Напрасно для меня, напрасно
И солнце мѣръ живошворишь,
И нѣгой дышишь мѣсяць ясной,
4

И зыбь попоковъ серебришь!
Не буду зрѣшь полей зеленыхъ,
Лазури свѣплой чистыхъ водъ,
Ни дпя поржеспивенныхъ красопъ,
Ни звѣздъ, во пмѣ ночной зажженныхъ.
Но, другъ, тогда, какъ надо мной
Рокъ свирѣпѣль, и вѣчной мглой
И безопрядными годами
Мою онъ душу ужаснулъ,
Я, день и ночь вспрѣчавъ слезами,
На поле, роци не взглянулъ,
Забылъ проспипься съ небесами:
Ахъ, на жену и на дѣпей
Хопѣло сердце насмопрѣпьяся,
Хопѣль я, чшобъ въ душѣ моей
Уже вовѣкъ не могъ сперешья
Очамъ незримый образъ ихъ!
« О! думаль я, въ бѣдахъ швоихъ
« Одно лишь счастье оспавалось,
« Чшобъ шѣхъ, кшо сердцу милы, зрѣшь;

« И сердце ими любовалось,
« И могъ ты радости имѣшь!
« Смощри на нихъ! Ужь наступаешь
« Тощъ грозный мракъ, въ кошоромъ ты
« Не узришь ихъ!... Дѣшей чершы,
« Ты знаешь, время измѣняешь,
« Съ годами новый видъ даёшь;
« Спрашисъ же: видъ сей измѣнился,
« И будешь образъ ихъ не шощъ,
« Кошорый въ сердцѣ сохранился!»
И я съ опчаянной шоской
На нихъ спремилъ взоръ шускый мой,
На мигъ покинушь ихъ боялся,
Къ моей груди ихъ прижималъ,
Ощъ горя думашъ забывалъ,
Смощрѣлъ на нихъ... но ужъ скрывался
Мнѣ милый видъ въ какой-шо шмѣ:
Онъ исчезалъ, сливался съ мглою,
И шо, что ещъ, казалось мнѣ
Давно-минувшюю мечшою.

Угасъ, угасъ лучъ свѣпмый дня,
И сердце кровью обливалось:
И все въ грядущемъ для меня,
Какъ бездна гибели, являлось.
Навѣки окружень я пмой!
Любовь, жизнь, счастье, все за мной!
Къ чему же мнѣ души волненье?
Къ чему мнѣ чувства жаръ свяшой?
О радость! ты не жребій мой!
Мнѣ нѣшь сердечныхъ упоеній;
Я буду плѣшь безъ услаждений;
Такъ догараешь одинокъ
Забыпый въ полѣ огонѣкъ;
Онъ никого не согрѣваешь,
Ни чьихъ не радуешь онъ глазъ;
Его въ полночный пупникъ часъ
Съ какимъ-шо спрахомъ убѣгаешь.
О другъ! повѣрь, единый Богъ,
Въ судьбахъ своихъ непоспимый,
Лишь Онъ, Всесильный, мнѣ помошь

Сперпѣшь ударъ сей несперпимый!
Уже я духомъ упадалъ,
Уже въ опчаяннѣ помился;
Хотя ропшашъ и не дерзалъ,
Но, ахъ, и уповашъ спрашился!
Ужь въ дикой гореспи своей
Мои всѣ мысли запмевались:
И жизнь и смерть въ судьбѣ моей
Равно ужасными казались.
Но вдругъ... хвала Тебѣ, Творецъ!
Ты не забылъ свое шворенье!
Ты видишь глубину сердець,
Ты слышишь шайное моленье:
Хвала шебѣ, мой страхъ исчезъ!
Какъ Ангель мирный, благодашннй,
Какъ вѣспникъ милоспи небесъ,
Незримый, шайный, но поняшннй,
Носилось чшо-шо надо мной:
Душа ошрадный гласъ ловила,
И вѣра огненной струей

Спрадальцу сердце оживила.
Мнѣ мнишься спало, чшо и я
Еще дышапъ любовью смѣю,
Чшо тяжкой учаспью моею
Онъ — мой опецъ, не судія —
Даепъ мнѣ способъ съ умиленьемъ
Его о дѣшяхъ умоляпъ,
И имъ купишь моимъ перпѣнемъ
Его свяшую благодапъ!
И съ сей надеждою безцѣнной
Мнѣ сила креспъ неспи дана;
И съ ней въ душѣ моей смяпенной
Опяпъ родилась пишина.

Но какъ навѣкъ всего лишишься?
Какъ мiръ прелестный позабышь?
Какъ не желашъ, какъ не шужишь?
Живому съ жизнью какъ проспихься?....
Тогда въ священной красопѣ
Внезапно дружба мнѣ предспала:

Она пакъ радостно сіяла!
Въ ея нашель я чиспопѣ
Упѣху, нѣжностъ, сожалѣнье,
И ея жизнь озарена;
Ты правду намъ сказалъ: она
Вспорое наше Провидѣнье!
Свѣтлана добрая швоя
Мою судьбу перемѣнила,
Какъ Ангель Божій низлепя,
Обишель горя носѣшила
И безушѣшнаго меня
Ошрадой первой подарила.
Случалось ли когда, чшо вдругъ,
Невольной утѣшенъ шоскою,
Я слезы лиль — шогда, мой другъ,
Свѣтлана плакала со мною;
Въ надеждахъ вѣры усшремляшь
Всѣ чувшва на дѣшей искала,
И чѣмъ мнѣ сердце усладашъ,
Своимъ шо сердцемъ ошгадала.

И вслѣдъ за ней явились мнѣ
Тѣ добродѣтели свящія,
Всегда, вездѣ ко всѣмъ благія,
И лишь могущія однѣ
Печаль и горести земныя
Въ блаженный превращають удѣль.
А шамъ съ улыбкой прилешѣль
И новый ангель-упѣшитель,
И сердца милый ободритель,
Прекрасный другъ шоски моей:
Небесной крошосью своей
И силой нѣжныхъ увѣщаній
Она мнѣ сладосшь въ душу льешъ,
Ласкаешъ, радуешъ, поешъ,
И рой моихъ воспоминаній
Съ цвѣшями жизни молодой,
Какъ въ блескѣ радужныхъ сіаній,
Лешаешъ снова надо мной.

Еще, мой другъ, два упѣшенья

Оспались мнѣ: по легкихъ сновъ
 И призраковъ ночныхъ явленья,
 И васъ, возвышенныхъ пѣвцовъ,
 Божественныя пѣснопѣнья.
 Такъ, сновъ плѣнительный обманъ
 Въ замѣну истины мнѣ данъ;
 Онъ жизни памяшью оспался;
 О помъ, съ чѣмъ я навѣкъ распался,
 Правдивую даешь мнѣ вѣсть;
 Опяшь мнѣ кажешь мѣръ привѣщный,
 Разнообразный, разноцвѣщный,
 Почпи такимъ, каковъ онъ ешь;
 Онъ мнѣ любимое являешь
 Мечшой оправдною своею,
 И завѣсу съ моихъ очей
 Волшебной силою снимаешь.
 Ахъ! удаешся часпо мнѣ
 Смопрѣшь на Божій свѣщъ во снѣ,
 Плѣняшь мой жадный взоръ лѣсами,
 Рѣкою, нивами, полями,

И всей знакомой красопой
Тѣхъ мѣспъ, гдѣ прежнею порой
Я часто ею любовался!
Какъ пы, мой другъ, я не скипался
Въ чужихъ далекихъ споронахъ:
Все родина въ моихъ мечшахъ.
Однажды, какъ-по я забылся
Обманчивымъ, но сладкимъ сномъ:
И вдругъ далеко очутился
Одинъ на берегу крушомъ,
Тамъ, у родной Москвы(*). День знойный,
Мнѣ снилось, ярко догараль,
И вечеръ пламенно-спокойный
Во всей красѣ своей блиспаль;
Внизу Москва-рѣка сверкала,
Игриво рощу обшекала;
Въ дали гориспой подь селомъ

(*) Здѣсь описывается Васильевское, загородный домъ Князя Юсупова, близъ Воробьевыхъ горъ.

Быль видѣнь лѣсъ, желпѣли нивы,
А близъ Дербенша (*) надъ прудомъ
Тѣнисшыя дремали ивы,
И зеленѣло за рѣкой
Дѣвичье поле предъ глазами,
И монастырь бѣлѣлъ свяшой
Съ горящими, какъ жаръ, крестами;
Опъ спѣнь къ приманчивымъ спруямъ
Долинка ясная песпрѣла;
Тупъ домикъ сельской; въ липахъ шамъ
Часовня спряшашся хопѣла;
На всѣхъ сосѣдспвенныхъ холмахъ
Сады и дачи красовались,
И въ яркихъ вечера огняхъ
Спруей багряной освѣщались;
И зелень роцей и полянь
Сливалась съ швердью голубою,
И сплался золошой шуманъ

(*) Садъ Графини Пушкиной.

Надъ бѣлокаменной Москвою.
Не знаю, другъ, но врядъ ли гдѣ
Подобный видъ шебѣ являлся!
Опяшь, однажды, все во снѣ,
Я ночью по Невѣ капался,
Между роскошныхъ острововъ
Лепѣль прозрачною рѣкою:
И видъ красивыхъ береговъ,
Дачь, рощей, просѣковъ, садовъ,
Осеребряемыхъ луною,
И озаренный Божій храмъ,
И Царскій домъ, и мостъ чрезъ волны,
Легко такъ брошенный, все шамъ
Плѣняешъ взоръ. Но вздохъ невольный
Опъ сердца цяжко вылепалъ.
Ты часпо, милый край, видаль
Меня близъ водъ швоихъ спруиспыхъ,
На изумрудныхъ берегахъ,
И въ цвѣшникахъ швоихъ душиспыхъ,
И въ темныхъ рощахъ и въ садахъ:

До поздней ночи шамь съ поскою
Сижу, бывало, надъ Невую;
И часпо ранняя заря
Меня въ раздумьи заспавала.
Но, ахъ, ужъ радость для меня
Давно съ зарей не разцвѣшала!
Еще жь случается, что я
Сны болѣ по сердцу выдаю:
Я вижу васъ, мои друзья,
Мою жену, дѣшей ласкаю.
О, для чего жь въ споль сладкомъ спѣ
Нельзя мнѣ вѣчно позабышья!
И для чего же должно мнѣ
Опяшь на горе пробудиться!

Когда же я въ себѣ самомъ,
Какъ въ безднѣ мрачной, погружаюсь,
Какимъ волшебнымъ я щипомъ
Опъ черныхъ думъ обороняюсь?
Я слышу дивный арфы звонъ,

Любимцевъ музъ внимаю пѣнье,
Огнемъ небеснымъ оживлёнъ,
Мнѣ льется въ душу вдохновенье,
И сердце бьется, духъ кипишь,
И новый міръ мнѣ предстоишь;
Я въ немъ живу, я въ немъ мечтаю,
Почти блаженство въ немъ вспрѣчаю;
Ужъ безъ спрѣданья роковой
Досугъ въ занятыяхъ пропекаетъ;
Бесѣда мудрыхъ укрѣпляешь
Колеблемый разсудокъ мой;
Дивишь въ писателяхъ великихъ
Разсказъ дѣяній знаменитыхъ,
Иль нѣжной звучностью своей
Лелеюшь арфы золотыя
Мягчайшій жаръ души моей
И сердца тайны дорогія.
О, счастливъ тотъ, кто обнимаетъ
Душъ возвышенныхъ чувства, мнѣнья
Спрѣмится съ пѣмъ, чѣмъ повѣряетъ

Свои сердечныя движенья!
Мы съ ними чувспвуемъ живѣй,
Добрѣе, пламеннѣй бываемъ:
Такъ Русь свящая намъ свяпѣй,
Когда Карамзина чишаемъ;
Такъ пыль впревоженныхъ спрасшей
Твой геній уладашъ умѣешъ,
И намъ любовь небеснымъ вѣешъ,
Когда надъ Ниною пвоей
Невольно слезы наши лющся—
И весело часы несущся!
О, другъ, поэзія для всѣхъ
Испочникъ силы, ободренья,
Живошворительныхъ ушѣхъ,
И сладкаго самозабвенья!
Но для меня лишь въ ней одной
Цвѣшешъ прекрасная природа!
Въ ней міръ разнообразный мой!
Въ ней и веселье и свобода!
Она лишь можешъ разгоняшъ

Души угрюмое ненастье
И сердцу сладко напѣвашь
Его упраченное счастье.

Теперь, ты зришь судьбу мою,
Ты знаешь, что со мной сбылося;
О, вѣрь, оправдно въ грудь твою
Мое все сердце излилося!
Несносный страхъ душой оспышь
Всего ужаснѣй мнѣ казался,
И я спалъ пламеннѣй любилъ,
Чѣмъ болѣ чувствами спѣснялся.
Извѣдалъ я, что убивашь
Не могушь грозныя спраданья,
Пока мы будемъ сохраняшь
Любви чистѣйшей упованья.
И здѣсь ли, другъ, всему конецъ?
Взгляни... надъ нашими главами
Есть небо съ вѣчными звѣздами,
А надъ звѣздами ихъ Творецъ!
